

Су Сичэнь провел в больнице два дня и начал проситься домой. Ему отчаянно не нравилась здешняя атмосфера — он чувствовал, что это место чужое, и не мог найти себе покоя. Однако Гу Ичэнь был непреклонен. Из-за этого Су Сичэнь даже устроил маленькую сцену и целый вечер не обращал на него внимания, хотя, если честно, они и в обычное время не особо много разговаривали.

Впрочем, был и положительный момент: после случившегося Гу Ичэнь готов был следовать за ним по пятам двадцать четыре часа в сутки. Почти всё свободное от работы время он проводил в больнице, словно боясь, что стоит ему отвернуться, как Су Сичэнь тут же перестанет справляться с собой.

Су Сичэнь находил это вполне приятным — если не считать того, что каждый день на него бросали полные зависти и ревности взгляды стайки медсестер. В конце концов, теперь он был постоянно окружен источником феромонов, а малыши стали куда спокойнее и перестали без повода задираť своего папочку.

Цинь Сяокэ тоже был вполне доволен: кто-то другой выполнял всю работу, да еще и платил за это зарплату — такую удачу не часто встретишь. Поэтому каждый раз, видя Гу Ичэня, он с упоением расписывал, как сильно ухудшится состояние Су Сичэня, если тот не задержится в больнице еще на пару дней. Сгущал краски как мог — в конце концов, кто проверит?

Разумеется, всё это делалось втайне от Су Сичэня. Однако нашего господина Гу было не так-то просто обвести вокруг пальца. Он напрямую отправился к лечащему врачу «обсудить» ситуацию. Разговор вышел коротким:

— Можно выписываться?

— Да, госпожа, сейчас...

Врач было хотел рассыпаться в подробностях, надеясь на повышение или премию, но Гу Ичэнь не дал ему шанса. Услышав заветное «можно», он бросил краткое «хорошо» и вышел. Сейчас господин Гу хотел лишь одного — свести счета с неким господином Цинь. И дело было вовсе не в расходах на палату, просто Су Сичэнь каждый день смотрел на него таким жалобным, обиженным взглядом, будто затравленная молодая жена, что сердце Гу Ичэня разрывалось.

В этот момент Цинь Сяокэ, сидевший в палате и болтавший с Су Сичэнем, внезапно чихнул. Он шмыгнул носом: неужели кондиционер слишком сильно дует?

В итоге Су Сичэнь благополучно вернулся домой — точнее, в дом Гу Ичэня. И все же Су Сичэнь всё чаще ловил себя на мысли, что здесь ему куда свободнее, чем в родном доме, где каждый шаг был ограничен строгими рамками семьи Су. У него даже зародилось робкое желание: как было бы здорово прожить здесь всю оставшуюся жизнь!

При этой мысли перед глазами возник величественный силуэт Гу Ичэня, его холодная аура и странная клоунская маска, которая так не вязалась с его образом. Су Сичэнь невольно улыбнулся, гадая, какое лицо скрывается под этой маской. Должно быть, очень красивое. И,

наверное, он редко улыбается — Цинь Сяокэ ведь постоянно называет его «человеком с каменным лицом», и тогда...

Погруженный в свои грезы, Су Сичэнь не заметил, как открылась дверь. Вошел Цинь Сяокэ. Он выглядел взвинченным, быстро запер за собой дверь, а на лице его застыло выражение, которого Су Сичэнь у него никогда не видел: нервное возбуждение, смешанное с подростковым бунтарством.

Цинь Сяокэ медленно подошел, сел рядом и, помявшись, решил все же передать ему то, что принес.

Су Сичэнь удивился, обнаружив у себя в руках какой-то предмет, и поднял голову. Он только сейчас осознал, что Цинь Сяокэ уже сидит рядом. Вспомнив свои недавние мысли, он густо покраснел. Черт! Почему он в последнее время постоянно думает о нем?

— Посмотри! — Цинь Сяокэ, видя, что тот застыл, легонько толкнул его локтем в бок.

— А, да, хорошо! — Су Сичэнь поспешно пришел в себя и развернул записку. Там было написано: Завтра в восемь утра, отель Гарден, столик 36. Обязательно приходи, я буду ждать. Почерк был размашистым, небрежным и дерзким — это был Лин Юйфэн!

Су Сичэнь, озадаченный, посмотрел на Цинь Сяокэ, собираясь спросить, в чем дело, но тот внезапно вытащил из-под одежды планшет для письма. Он приложил палец к губам, призывая к тишине, а затем, достав откуда-то ручку, быстро набросал: Не говори, используй это!

— Что случилось? Лин Юйфэн просил тебя передать это мне? — Су Сичэнь взял ручку и аккуратно, старательно вывел свой вопрос. Его почерк был изящным, совсем не похожим на каракули Цинь Сяокэ.

— Да, ты такой умный, похоже, поговорка про то, что беременность отупляет на три года, совсем не верна.

Су Сичэнь заглянул в планшет. Цинь Сяокэ проигнорировал его вопрос, и он в нетерпении выхватил ручку, обведя кружком свое «что случилось».

Цинь Сяокэ с досадой посмотрел на него, жестом показал не торопиться и долго что-то писал, прежде чем показать планшет: Вчера вечером, когда ты уснул, я вышел прогуляться. Нет, я не прожорливый и не искал еды, просто луна была такой красивой, захотелось полюбоваться, понимаешь?

Су Сичэнь пропустил мимо ушей этот бессвязный поток мыслей.

— В общем, я встретил его. Он спросил, как ты, и попросил меня завтра утром привести тебя в

отель Гарден. Кажется, хочет обсудить что-то насчет малышей. Я думаю, что «контрабандой» вывезти тебя будет сложно, но это так захватывающе, поэтому я решил помочь до конца. Ну что, любишь меня теперь? — В конце была нарисована пара глаз-звездочек.

Су Сичэнь тихо рассмеялся, обдумывая ответ, и начал писать: А как мы оттуда выберемся?

— Скажешь ему вечером, что хочешь позавтракать в отеле Гарден. Если он не согласится, начни ныть, что если не пойдешь, то настроение упадет, сил не будет, в общем, ври как в последний раз.

Цинь Сяокэ был мастером в таких делах. Су Сичэнь же совершенно не умел лгать: он начинал заикаться, а руки непроизвольно прятал за спину, из-за чего его слова теряли всякий вес. Он смущенно написал: Я не умею...

— Ничего, потом я помогу. Ты просто скажи, что хочешь туда пойти, а остальное предоставь мне. — Цинь Сяокэ видел, что Су Сичэнь слишком честен и прямодушен, не чета ему, старому пройдохе. — Просто сохраняй спокойствие, не дай ему заметить подвох.

— Спасибо! — Су Сичэнь дописал и, подражая ему, нарисовал в конце улыбающуюся рожицу.

Цинь Сяокэ, решив похвастаться мастерством, взял планшет и парой штрихов набросал милого пупса.

Су Сичэнь невольно подумал о своих малышах, но решил, что его дети будут в сотни раз милее того, что нарисовал Цинь Сяокэ. Он разглядывал рисунок, когда ему пришла в голову мысль: Почему мы так общаемся? Нас что, прослушивают? Он ведь не стал бы так делать, правда?

— Не бойся, он не настолько опустился, хотя... почти. — Цинь Сяокэ вспомнил, как Гу Ичэнь лишил его премии за «обман государя», и сердце сжалось от жалости к своему кошельку и несостоявшимся деликатесам. Он поспешил добавить пару язвительных строк, пока Гу Ичэнь не видит.

Су Сичэнь нахмурился. У него возникло странное чувство, будто он должен немедленно защитить Гу Ичэня, но, прочитав следующую строчку, отбросил эти мысли.

На планшете было написано: Мне просто кажется, что это весело, будто мы замыслиаем великое дело.

Су Сичэнь, прочитав это, шутливо ударил его. Цинь Сяокэ хотел дать сдачи, но, вспомнив про «талисманы» в животе Су Сичэня, лишь поднял руки, делая вид, что пугает его. И тут дверь открылась — вошел Гу Ичэнь.

Он заметил поднятые руки Цинь Сяокэ. Гу Ичэнь знал, что тот шутит, но, увидев улыбку на

лице Су Сичэня — улыбку, которую тот никогда не дарил ему, — почувствовал необъяснимое раздражение.

Цинь Сяокэ, увидев Гу Ичэня, послушно опустил руки и подобострастно подхватил Су Сичэня за талию, помогая сесть. Гу Ичэнь, заметив его лапы на тонкой талии Су Сичэня, помрачнел еще сильнее. Мой человек — и ты смеешь его касаться? Гу Ичэнь явно ревновал, хотя сам того не осознавал.

— Премия за следующий месяц аннулируется, — бросил он.

— Только не это! — если бы Цинь Сяокэ знал, что это из-за его услужливости, он бы точно взвыл: Пожалейте одинокого пса! Впрочем, он искренне удивлялся: эти двое явно тянутся друг к другу, но один глупо думает, что всё дело лишь в детях, а другой еще глупее — вообще ничего не замечает. А он, Цинь Сяокэ, вечно зажат между ними, питается «собачьим кормом» и еще премии лишается... Эх...

Су Сичэнь, увидев Гу Ичэня, поспешно спрятал улыбку. Он попытался сесть ровнее, но поясница не позволила, и он просто сложил руки на коленях, приняв вид прилежного ученика. Гу Ичэнь, заметив, как быстро сменилось выражение лица Су Сичэня — будто он не рад его приходу, — еще больше помрачнел.

Но винить Су Сичэня было нельзя: природа Омеги заставляла его подсознательно стремиться быть таким, каким его хочет видеть Гу Ичэнь. А благодаря ежедневным лекциям Цинь Сяокэ о том, что «Гу Ичэнь — великий демон», Су Сичэнь укрепился в мысли, что тому нравятся тихие и послушные Омеги. Вот и старался выглядеть как паинька. В конце концов, сам Су Сичэнь был лишь недавно повзрослевшим ребенком.

Гу Ичэнь подошел ближе. Его взгляд упал на планшет, который Цинь Сяокэ не успел убрать. Он потянулся было взять его, но Цинь Сяокэ выхватил планшет из рук.

— Это маленькие секреты Омег! Куда ты, Альфа, лезешь? — Цинь Сяокэ под его тяжелым взглядом стало не по себе, и он выпалил первое, что пришло в голову.

— Не смотри! — Су Сичэнь вспомнил про нарисованную улыбающуюся рожицу и смутился. В его голосе прозвучали нотки кокетства, которых он сам не заметил.

— Хорошо-хорошо, не буду! — Гу Ичэнь, услышав этот тон, тут же растаял и поднял руки в жесте капитуляции.

Су Сичэнь через маску поймал на себе полный нежности взгляд Гу Ичэня, покраснел и опустил голову, не зная, что сказать.

Цинь Сяокэ счел свое присутствие ошибкой. Боже, заберите этих двоих на небо, пусть они там мучают друг друга своей романтикой! Но он не забыл о своей миссии и незаметно ткнул Су Сичэня в руку, напоминая о записке.

— Кстати, это... — Су Сичэнь вспомнил о важном деле, поднял голову, собираясь сказать, но, встретившись с глазами Гу Ичэня, оробел.

— Что такое? — Гу Ичэнь был очень нежен. Он присел перед животом Су Сичэня. — Малыши тебя обижают?

Видя такую заботу, Су Сичэнь почувствовал укол вины — ведь он собирался его обмануть.

— Нет...

Не успел он договорить, как Цинь Сяокэ легонько сжал его руку. Су Сичэнь собрался с духом. Раз это касается детей и Лин Юйфэна, значит, это важно. Пришлось идти до конца.

— Не дети, а я... я, — Су Сичэнь долго подбирал слова, прежде чем набраться смелости и посмотреть на Гу Ичэня. — Я хочу завтра утром позавтракать в отеле Гарден, можно? Только с Сяокэ, и сразу вернемся! — Увидев, что Гу Ичэнь продолжает на него смотреть, он снова смущенно опустил голову.

Цинь Сяокэ, видя такое поведение, подумал, что шансов нет, и уже собрался вмешаться, как вдруг услышал:

— Хорошо, я прикажу, чтобы вас отвезли.

После этих слов оба в комнате уставились на него с недоверием.

— Что-то не так? — Гу Ичэнь положил руку на живот Су Сичэня. Мысль о том, что через несколько месяцев он увидит своих детей, наполняла его радостным волнением.

— Нет-нет, благодарю за милость, босс! — Цинь Сяокэ ликовал: правду говорят, герой не устоит перед красотой. Он уже забыл, что сам же считал, будто без его участия ничего не выйдет.

Гу Ичэнь не обратил на него внимания, снова погладил округлившийся живот Су Сичэня и тихо проговорил:

— Сынок, ты в последнее время прилично подрос. Неужели такой же прожорливый, как папочка? Вырастешь толстячком — заставлю тебя с папой вместе тренироваться!

— Папа ничего не понимает, наш малыш просто стал крепче. Не будем его слушать, хорошо? — В вопросах, касающихся детей, Су Сичэнь никогда не проявлял той осторожности, с которой относился к Гу Ичэню.

— Это папа неправ, хорошо? Малыш самый послушный, — Гу Ичэнь не обиделся, а наоборот, начал его успокаивать. — У меня еще дела, завтра вечером приду к тебе. Спокойной ночи, малыш.

Су Сичэнь, у которого лицо уже приняло нормальный оттенок, снова вспыхнул, став еще краснее. Хотя он твердил себе, что «малыш» — это обращение к детям, но ведь он никогда не называл их так раньше!

Но ведь и не к нему же он обращался! Сердце Су Сичэня упало в бездну. Он не понимал, почему так расстроился и чего, собственно, ждал.

— Сичэнь? — Цинь Сяокэ заметил, что Гу Ичэнь уже ушел, а Су Сичэнь всё еще сидит в оцепенении. На самом деле, его самого передернуло — слово «малыш» из уст босса звучало до тошноты слащаво.

— А? Что?

Цинь Сяокэ с легким пренебрежением посмотрел на него: «Вырос, не удержать!»

— Ничего. Пойду и я, спать пора. Ложись пораньше, не забудь про завтрашнее утро...

— Угу. — Су Сичэнь кивнул, начиная злиться на самого себя. Что это с ним? Сейчас главное — дети! Больше ни о чем нельзя думать. Он тут же нырнул под одеяло и закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/21225/2147692>